

Забыла снова? Разве можно называть брата старше себя по имени? Я схватил носок и рванул, и перед моими глазами мгновенно блеснула маленькая гладкая нефритно-белая ступня.

Ее задник был круглым и мягким, гладким, как соевый творог. От волнения ее пальцы ног сильно сжались, образовав несколько очаровательных розовых складочек в центре ступни. Пять пальцев блестели и переливались, словно пять кристаллов, а еще они напоминали пять свежих зрелых коробочек кардамона с горы Духов, которые, казалось, источали сладкий аромат. Ее ногти были ухожены, выглядели очень естественно, но при этом очень привлекательно.

Я быстро прикусил кончик языка зубами. Черт побери, я чуть не залюбовался ею, и как вообще чья-то ступня может выглядеть так? Это было явно идеальное изделие ручной работы, вырезанное из прекрасного нефрита!

— Скажи-ка мне, зачем ты подшутила надо мной?

— Я не шутила!

— Не хочешь признаваться? — ехидно ухмыльнулся я и одновременно начал медленно и осторожно щекотать ногтями ступню Чу Юань. Чу Юань, которая только что упрямо приподнимала верхнюю часть тела, тут же с странным криком упала.

— Ха-ха-ха... прекрати, прекрати... ха-ха-ха... братец, перестань меня щекотать... — Девчонка попыталась прикусить нижнюю губу, чтобы подавить смех, а затем, непрерывно дрожа, зарылась лицом в подушку дивана.

Я не спешил, поэтому продолжил «нежное» наказание. Вскоре девчонка наконец не выдержала, резко подняла голову и залилась слезами.

С тех пор как я был ребенком, я впервые увидел, как Чу Юань смеется так заливисто, что совершенно забывает о себе, но я все еще не обращал на нее внимания и продолжал щекотать.

— Прекрати, братик... это грязно... ха-ха, я ее не мыла... ха-ха-ха...

— Все в порядке, мне все равно, что она грязная. — Если бы она сама не сказала, что она грязная, я бы точно подумал, что это клевета. В конце концов, она весь день ходила в обуви, но ее ноги не только не пахли, но и испускали нежный аромат. Может, это был ее естественный запах?

— Она... ха-ха-ха... воняет!

— Если ты не скажешь мне причину, я не перестану это делать! Ты ведь пыталась посмеяться надо мной, не так ли? Так что можешь продолжать смеяться.

— Я, я не смеялась... И я не хочу смеяться! Ха-ха... Это была шутка... ха-ха... Мне жаль... ха-ха-ха, братик, я не права... ах, ха-ха-ха, прости меня, прости меня... ах, ха-ха-ха... уа-а-а... — Гордость Чу Юань была настолько сильной, что от стыда она разрыдалась. Однако из-за щекотки она не могла перестать смеяться. В итоге у нее получилось что-то среднее между плачем и смехом.

— Шутка? Откуда мне было знать, что у тебя еще есть чувство юмора? — Если бы я продолжил ее щекотать, Чу Юань, наверное, умерла бы от смеха. Поэтому, хотя я ей не поверил, я все же прекратил.

Чу Юань наконец смогла перестать смеяться, и все ее тело перестало дрожать так, как будто она была парализована. Придя в себя, она злобно уставилась на меня: «Почему ты до сих пор сидишь на мне?!»

Мой взгляд мгновенно сверкнул холодом, вонючая девчонка быстро поменяла тон и взмолилась: «Братик, пожалуйста, встань».

Только теперь я сел, удовлетворенный. Чу Юань тоже села, но как будто разочарованная тем, насколько бессильной оказалась ее ступня, она быстро схватила ноги и угрюмо потерла ступню пару раз. При этом она гневно и обиженно смотрела на меня. Хотя я, братик, снова выиграл, каждый раз, когда у нее такое выражение обиды, я не могу не чувствовать себя виноватым.

Я неловко рассмеялся, вытащил бумажную салфетку и сел рядом с Чу Юань, чтобы вытереть слезы с ее лица. Притворившись взрослым, я сказал: «Юань-юань, запомни, подобных шуток больше быть не должно. Я твой старший брат, и неуважительно с твоей стороны специально подшучивать надо мной. Разве я не говорил тебе уже в прошлый раз? Неуважение к брату будет наказано.

Чу Юань выхватила платок из моей руки и отказалась отступать: «Это твоя вина. Ты мне лжешь».

Я был ошеломлен: «Когда это я тебе лгал?»

Маленькое личико Чу Юань покраснело, затем она с негодованием повернула голову: «Я никогда не видела такого злобного старшего брата, как ты. У тебя даже нет чувства юмора!»

Оставив в стороне вопрос о том, было ли это смешно или нет, если я не накажу ее на этот раз, кто знает, не подсыплет ли она мне в следующий раз крысиного яда в еду?

Девушки в переходном возрасте действительно доставляют людям немало головной боли. Их нельзя баловать, но и сурово наказывать тоже нельзя.

«О?» Я вытащил еще один платок и продолжил вытирать слезы вокруг ее глаз, смеясь: «Значит, ты хочешь старшего брата, который не будет таким злобным, как я?»

«Нет», — Чу Юань больше не дулась на меня, она позволила мне вытереть ее лицо. — «Я не хочу никакого старшего брата, включая тебя!»

Не знаю, не думал ли я слишком много. Мне всегда казалось, что Чу Юань говорит это очень

серьезно. Я не мог не почувствовать легкую панику. Ей не нравится, что я ее старший брат?

Может быть, из-за чувства вины я сменил тему: «Хорошо, ты не рассказала мне, что хочешь, чтобы я сделал завтра».

Чу Юань была умной, она ясно видела вспышку паники на моем лице. В ее выражении промелькнуло и чувство вины. Но в следующую секунду она неожиданно слегка пнула меня в талию своими босыми нефритами, похожими на ноги: «Отдай это мне!»

Только сейчас я понял, что все еще держу носок своей сестры. Я смущенно улыбнулся и вернул ей носок. Однако Чу Юнь не стала надевать его снова. Вместо этого она сняла и другой носок.

Увидев, что я смотрю на ее ноги, ее лицо стало еще краснее, и она внезапно сунула мне в руки два носка и сказала: «Раз ты так их хочешь! Бери! Извращенец, любитель ног!»

«Любитель, любитель ног?» Мое лицо горело, как огонь. Мне было так стыдно, что я быстро сказал: «О ком ты говоришь!»

«О тебе!» Чу Юань сидела со скрещенными ногами. Ее поза была некрасивой, но, похоже, ее это не волновало. Она обеими руками прикрывала свои маленькие ножки, а затем бесстрашно посмотрела на меня и сказала: «Ты же сказал, что тебе не противно целовать мои грязные ноги, когда ты их щекотал. Если это не извращение, то что это?»

Я был ошеломлен... Эта девчонка еще совсем юная. Она явно не знала, что на самом деле означает это слово, но все же использовала его. Я не мог не засмеяться. Положив ее носки на журнальный столик, я сказал: «Хорошо, хорошо, я извращенец, любитель ног, ты довольна? Seriously, что ты хочешь, чтобы я сделал завтра?..»

«У тебя и вправду фетиш на ноги?!» Девчонка не могла понять, говорю я правду или нет, она вдруг крепко обхватила обеими руками свои ноги и нервно посмотрела на меня, как будто встретила сексуального маньяка в темном переулке.

Я не знал, смеяться мне или плакать: «Ты закончила или нет? Что мне нужно сделать для тебя завтра? Я очень занят, если ты не хочешь говорить, то забудь об этом».

«Разве ты не говорил, что у тебя нет девушки? Так чем же ты занят?»

Черт возьми, у этой девчонки действительно острый язык. Ее слова были похожи на острый нож, который всегда целился в мою рану: «Нельзя ли мне быть занятым поисками девушки?»

Чу Юань, должно быть, приняла мои слова всерьез, поэтому она холодно фыркнула, но не осмелилась больше вызывающе разговаривать со мной: «Завтра мне нужно, чтобы ты...»

В этот момент неожиданно зазвонил мой телефон. Две красивые брови девочки мгновенно сдвинулись. Она надула губы и недовольно посмотрела на меня, я виновато улыбнулся и быстро взглянул на экран...

Черт! Нельзя, чтобы она это увидела.

«Как дела, мой дорогой дядя? С праздником!»

Каждый раз, когда я слышу детский голос Сяо Икэ, волосы на моей голове встают дыбом, хотя я не знаю, почему. Возможно, я боялся, что Чу Юань его услышит. Я понизил голос, пошел в

свою комнату и сказал: "Ты тоже..."

"Но эта девочка сейчас не очень счастлива."

Черт возьми... Я знал, что она не будет такой доброй, чтобы просто пожелать мне счастливых праздников. Ее первое предложение явно было ловушкой. "Что на этот раз? Опять поссорилась с отцом?" Хотя я знал, что это ловушка, у этой противной девчонки не было другого выбора, кроме как продолжить разговор.

"Ух ты, дядя, ты согласен быть моим парнем?"

"Зараза... Когда я это говорил?" Я так разозлился, что чуть не выругался вслух.

Потом я услышал, как Сяо Икэ гордо рассмеялась на другом конце телефона: "Ты даже называешь моего отца "Папа", так почему тебе стыдно это признать?"

Эта противная девчонка явно меня дразнила. Я спокойно сказал: "Я сейчас очень занят, так что не могу болтать. Если у тебя нет ничего важного, я вешаю трубку".

"Подожди, дядя, я тебе, я тебе... Это очень важно..." Как раз когда я пытался услышать, что Сяо Икэ собиралась сказать дальше, дверь в мою спальню внезапно открылась.

Чу Юань сначала бросила взгляд на мое шокированное выражение лица, но потом просто вошла, села перед моим компьютером и включила его, совершенно игнорируя тот факт, что она повела себя очень невежливо.

Что это такое? Она пытается сказать мне, что может открыто подслушивать мой телефонный разговор?

<http://tl.rulate.ru/book/45219/3990764>